

Глава 1

К ДИСКУССИИ ОБ ОСНОВАХ И НАПРАВЛЕНИЯХ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

§ 1. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В СИСТЕМЕ ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: К РЕШЕНИЮ КОМПЛЕКСНОЙ ЗАДАЧИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПРАВОВЫМИ СРЕДСТВАМИ

Для разработки качественно нового правового регулирования и его сопряжения с решением комплексной задачи технологического роста правовыми средствами юридической наукой должны быть выработаны правовые средства для дальнейшего технологического развития¹.

В современных условиях развития техники и права возрастает разрыв между адекватностью правового регулирования и усложнившимися общественными отношениями в связи с использованием современной техники и ее проникновением едва ли не во все сферы жизни человека. Широко обсуждается настоящее и будущее ИИ, представления о котором чаще всего оторваны от действительности. Развитие цифровых технологий обратно пропорционально темпам и детализации правового регулирования: освоение, внедрение, расширение сферы применения новых цифровых технологий сопровождается многократным отставанием права от регулирования возникших и развивающихся общественных отношений в типе общества, называемого постиндустриальным. Парадоксально, но повсеместно анонсируемые и беспорядочно сменяющие друг друга технические революции только в первой четверти XXI в. не име-

¹ См.: Хабриева Т.Я. Правовая социализация искусственного интеллекта и создание новой системы глобального управления // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2025. № 4 (123). С. 15–24.

ли никакой связи с критериями развития техники. Свидетельство тому — постулирование цифровой, а затем квантовой экономики в пятилетнем периоде новейшей истории. В любом случае новые виды общественных отношений развивались вне правовой формы, как и типы социально-экономического развития на макро- и микроуровне, обусловленные текущими и уже реализованными социально-экономическими преобразованиями и реформами.

Право делает только первые шаги к освоению новой реальности. Европейский опыт правового регулирования демонстрирует парадигму регулирования ИИ в альтернативе рисков и шансов. Так, Законом ЕС об искусственном интеллекте виды ИИ категоризируются на запрещенный, высокорисковый, особорисковый, малорисковый с корреспондирующими обязанностями участников рынка идентифицировать свою деятельность по этим параметрам. Следует отметить фрагментарность этого подхода, однако нельзя недооценивать опыт регулирования ЕС, поскольку пройдена важная веха развития права, обозначившая среднесрочные и долгосрочные перспективы развития правового регулирования. Закон ЕС об искусственном интеллекте обусловил постановку вопроса не только о самостоятельной сфере отношений, с ним непосредственно связанных, как об объекте правового регулирования, но и об эффектах воздействия применения технологий на отношения, которые могут измениться под воздействием применения новейших технологий. Думая о перспективе, не следует сводить цель правового регулирования ИИ к мему «за все хорошее и против всего плохого». Требуется понимать, что и каким образом право может и должно урегулировать и какой результат от этого ожидается применительно к группам общественных отношений, объектам и субъектам права.

Принятие нормативных актов в отношении ИИ в различных правовых системах и наднациональных правовых образованиях обеспечило только пострегулирование уже возникших отношений, причем в выборочных сегментах. Перечень актуальных вопросов правового регулирования не исчерпывается частностями, из которых формируется потребность в качественно новых инструментах правового воздействия: внедрение цифровых инструментов в корпоративное управление, охрану и безопасность труда; правовые режимы использования и оборота данных, их видов; правовая охрана объектов интеллектуальной собственности, созданных с применением современных цифровых технологий; правовое обеспечение цифрового гражданского оборота и рынков; автоматизация государственного администрирования и контроля; юридическая от-

ветственность и др. Требуется формирование качественно новой правовой среды использования технологий в обработке больших объемов информации, ранжированной по правовым режимам, функционирования искусственных интеллектуальных систем в координатах права.

Искусственный интеллект внедряется во всех сферах с беспрецедентной скоростью, выходя далеко за рамки технологического сектора. Его интеграция в общественные отношения связана со сложными вопросами, на которые право пока не может ответить. Типы и принципы правового регулирования, разработанные для традиционных ситуаций, в которых задействованы люди и созданные ими объединения — правовые сообщества, оказываются недостаточными для разрешения вопросов столкновения человека с искусственными интеллектуальными системами, способными не только к обучению и самостоятельному принятию решений, но и к функционированию в интересах конкретного лица, осмысленно их использующего.

Нетипичность решения возникающих при этом вопросов правового регулирования традиционным юридическим мышлением проявляется и при обсуждении юридической ответственности, поскольку недостаточно утверждения солидаритета разработчика программного обеспечения (по образцу ответственности за некачественную и небезопасную продукцию), владельца и пользователей инфраструктуры, обучающих и настраивающих соответствующие технологии (по образцу ответственности за источник повышенной опасности). Приведенные комбинированные решения основаны на сочетании уже известных моделей и принципов деликтной ответственности, но учитывают ли они всю специфику возникающих отношений? Сам характер причинения вреда нетипичен для классического деликтного права: вред причиняется вследствие работы алгоритмов, созданных людьми, но функционирующих автономно от человека. По меньшей мере здесь требуются иная трактовка причинно-следственной связи и виновности, процессуальные критерии определения надлежащего ответчика и т.д. При распределении объема ответственности важно учитывать особый характер и способ причинения вреда искусственным интеллектом (ошибки обработки данных, влияющие на принятие автоматизированного автономного решения искусственной интеллектуальной системой; манипуляция данными; непосредственно реализация автономных решений с разграничением случаев сбоев в работе, галлюцинаций ИИ, системных ошибок его работы). Все это требует внимания и тщательной

правовой квалификации, допускается формирование новых моделей юридической ответственности.

Искусственный интеллект используется для автоматизации принятия решений, генерации контента, анализа данных и оптимизации бизнес-процессов практически во всех сферах. Именно в этом контексте формируется полноценное и качественно новое правовое пространство, призванное стать опорой для нового технологического развития общества и цивилизации. Важно выделить новое содержание в регулируемых правом общественных отношениях. Генеративный ИИ, дипфейки, чат-боты — вот лишь некоторые маркеры новой технологической среды, выступающие вызовами для правового регулирования. Они не могут рассматриваться правом обособленно, поскольку прямо допускают манипуляцию и декорированную конспирацию. Предоставляемые этими инструментами возможности не следует недооценивать. Негативный эффект не ограничивается созданием вводящего в заблуждение контента и манипуляцией изображениями, это является основой для функционирования и неограниченного использования нейропрограммирования как действенного способа совершения массовых противоправных действий. Особое значение имеет вопрос об определении активной зоны правового регулирования — разработке самих технологий или только сфер их допустимого использования. Представляется, что этот вопрос не предполагает выбора — необходимы комбинированные решения в праве.

Развитие правового регулирования не видится односторонним. Ведущим вектором совершенствования законодательства должно быть движение от техники к праву. Важно определить характеристики тех технологий, обобщенное представление о которых может именоваться искусственным интеллектом. В любом случае развитие технологий должно быть конвертировано в устойчивую, ясную, общепризнанную систему прав человека, требуются общепринятые международные стандарты использования и разработки технологий, действенные гарантии и формы защиты и пресечения правонарушений.

До настоящего времени право не выработало системных подходов и решений к правовому регулированию отношений, осложненных применением ИИ. Остается неполным видение всей многомерности общественных отношений, связанных с участием в них новейших технических новинок, обобщенное представление о которых принято именовать искусственным интеллектом. Комбинированные результаты применения экономического, социального и технологического анализа права позволят сократить разрыв право-

вых норм с реальностью. Подчеркнем, что даже в нормативном поле представления об ИИ не отличаются точностью и единообразием, порождая сложности на стадии правоприменения.

При всей дискусионности, неоднозначности терминологии ИИ гуманитарная наука никак не связана и не коррелирует с техническими знаниями, что могло бы обеспечить адекватность и полезность оценок и предложений роли ИИ в развитии общества. Требуют правовой регламентации и детализации вопросы, связанные с внедрением, использованием, оборотом технологий в расширяющемся спектре их потенциально возможного применения. Право должно обеспечить эффективное регулирование развивающихся отношений в сфере техники в соответствии с постоянно растущими амбициями бизнеса, сужающимся радиусом охраны интересов и обеспечения безопасности человека, оптимальными формами и условиями использования технологий в интересах всего общества. В документах долгосрочного планирования технологического развития необходимо, во-первых, описание инструментов правового обеспечения разумного и безопасного применения новейших технологий, во-вторых, определение параметров и критериев технологического прогресса как такового с определением зон технической нейтральности, то есть групп тех общественных отношений, в которых использование ИИ будет исключено или ограничено.

Право все еще не обеспечивает адекватного отражения и регулирования действительных отношений в сфере оборота и применения технологий с разумным разрешением вопроса о мере их допустимого использования и ответственности, следующей из нарушения принципов технологической нейтральности и цифровой недискриминации для новой системы субъектов и объектов права.

Не имеют оснований и ошибочны суждения о том, что ИИ вытеснит человека, сделает ненужным право как регулятор и сам обеспечит настройки социальных связей в цифровом обществе, понятие о котором отсутствует. Пока развитие права нового поколения не основано на достоверном анализе структуры и видов общественных отношений, законопроектные инициативы рассредоточены по разным направлениям, правотворческий процесс не основан на программных документах развития, правовые решения продолжают быть оторванными от социальной и технологической реальности.

Ситуацию осложняет и целеполагание юридической науки, создающей технологические казусы, то есть картину регулирования в действительности несуществующих общественных отношений. Пока юристы в отрыве от техники рассуждают о правосубъектности

ИИ, будущем цифрового и информационного права как отраслей права и законодательства, усиливается социальное напряжение, увеличивается количество правонарушений, искусственно ослабляются функции государства в цифровом пространстве, остающемся вне государственного суверенитета и юрисдикции. Во многом это искусственная ситуация, инспирированная диктатом экономического интереса участников и организаторов цифрового рынка, не заинтересованных в разветвленном и сбалансированном правовом регулировании, предпочитающих альтернативу — развитие мягкого права платформ, которое в действительности не может обеспечить соблюдения прав человека, как и доступа к эффективному правосудию. Правосубъектность ИИ не только не имеет реальной потребности — ею не исчерпывается многообразие сферы регулирования общественных отношений по эффективному использованию современных технологий и не восполняются соответствующие пробелы правового регулирования относительно урегулирования качественно новых общественных отношений. Перспективные направления совершенствования законодательства следует определять именно при социальном, экономическом и технологическом анализе развивающихся общественных отношений, предопределенных уже формирующимся новым технологическим укладом жизни общества. Новая технико-правовая реальность не является одномерной. Складывается новая конфигурация цифрового имущественного оборота, структур цифрового рынка, цифрового администрирования и контроля экономических инициатив, обеспечения конкуренции в цифровой экономике — все это требует новых подходов права, основанных на адекватном восприятии изменившейся реальности.

С развитием технологий и расширением сфер их практического применения объективно формируется новая сфера общественных отношений, требующая правового регулирования новыми средствами и методами. Потребности в них просто не существовало в доцифровую эру.

Возможно только примерно и неполно обозначить отдельные ключевые направления и параметры правового регулирования общественных отношений в условиях новой технологической реальности, непосредственно связанные с ИИ.

Прежде всего необходимо корректное определение ИИ в плоскости объекта правового регулирования как технологии или свойства алгоритмической интеллектуальной системы, позволяющей человеку в предлагаемых вариантах решения усовершенствовать слух, зрение, способность анализировать большие объемы информации. В этом подходе как нельзя более точно отражена действи-

тельная роль ИИ как многофункциональной технологии, орудия человеческого труда, а не фантазмагоричного созидателя новой вселенной, мира, общества, в котором человеку может не остаться места.

К гуманитарной катастрофе подталкивают псевдонаучные и ни на чем не основанные выводы о том, что грядущие десятилетия породят новый тип общества киборгов и вот именно поэтому требуется принятие отдельных законов, когда современный уровень знаний не дает основы для разработки нормативно-правовой базы о роботах и ИИ¹. Развитие этих направлений в законодательстве и закрепление особого статуса киборгов будет способствовать неравенству и претенциозному обособлению лиц, ограниченные возможности которых были восполнены новейшими достижениями техники, от людей с нормальной физиологией. Недостатки лиц с ограниченными возможностями будут нарочито обозначены, что может отразиться на гарантиях их прав и законных интересов.

Бессмысленно и ошибочно противопоставление техники и человека. Техника всегда остается способом улучшения жизни и расширения возможностей человека, а не его заменителем или композитной средой формирования людей нового качества. Парадигма развития общества продолжает базироваться на константе неисчерпаемого и необратимого вспять развития человека, а не его замены продуктами и орудиями труда, которые без человека не могут обеспечить общественного развития, роста, перехода на новый уровень развития всего человечества. Это не может игнорироваться правом.

По этой же причине содержательно ошибочны антропоморфные подходы российского законодательства к определению ИИ через сравнение возможностей человека и машины по обработке объемов информации. Воспринятый в этой части законодателем подход не является корректным и потому не может обеспечить достоверной интерпретации и упорядочивания регулируемых общественных отношений. Это же пример технологического казуса. Для права это ложный путь развития, ведущий к исчерпанию его роли как регулятора общественных отношений.

Исходные воззрения должны акцентироваться не на сравнении способностей человека и машины, а на установлении свойств, позволяющих действовать управляемой человеком искусственной интеллектуальной системе адекватно и проактивно во внешней среде. Возможно обозначить несколько уровней общественных от-

¹ См.: Песков Д. Я вижу больше перспектив у закона о киборгах, чем у закона о роботах. URL: <http://www.tproger.ru>

ношений, возникающих при работе искусственных интеллектуальных систем, каждый из которых требует фиксированного внимания законодателя:

- восприятие данных о внешней среде через заложенные в код сигналы, фильтры и т.д. От права требуется конкретизировать возможности и запреты относительно допустимых пределов обработки и использования различных видов данных с установлением обязанностей и ответственности для нового круга субъектов регулируемых отношений: бенефициаров, владельцев агрегаторов и иных лиц, контролирующих информационные мощности, включая операторов цифровых платформ, разработчиков обучающего программного обеспечения как основы машиночитаемого права;

- регламентация режима, порядка использования и оборота данных применительно к правам и законным интересам их носителей;

- определение режимов обработки данных;

- разработка и внедрение автоматизированных форм контроля за обработкой и структурированием информационных ресурсов в сети «Интернет» с полномочиями блокировки соответствующих информационных ресурсов;

- установление оборотоспособности цифрового имущества и способов обращения на него взыскания, ареста и прочего как условия соблюдения принципа законности в цифровой среде и определения функционально инфраструктурной основы цифровой экономики;

- определение общеобязательных требований к рынку данных и его участникам;

- установление новых способов защиты прав в связи с незаконным использованием данных;

- нормативное закрепление требований к операторам, владельцам, способам управления искусственными интеллектуальными системами с функционалом самопрограммирования и самообучения;

- обеспечение резиденства цифровых платформ и их связанности с национальной правовой системой.

Из приведенных характеристик следует, что ИИ не существует в отрыве от интересов конкретного человека/группы, не только оперируя информацией, но и используя полученный результат в соответствии с заданными кодом целями.

Важно критически оценивать зарубежный опыт апробации инициатив разработки специальных законов об ИИ. Представляет интерес критика воспринятого ЕС «горизонтального подхода», поскольку «использование ИИ в разных секторах сопряжено с совершенно разными рисками и возможностями», но вместе с тем

вызывает недоумение само утверждение о том, что «текущий уровень развития искусственного интеллекта не создает рисков для участников регулируемых отношений»¹. Этот вывод опровергается объемом противоправных действий, далеко не все из которых могли быть пресечены институтами государственной власти.

Российский опыт законотворчества в сфере применения новейших технологий не безупречен. Программными документами реформ и преобразований в сфере цифровой экономики и ИИ (постановление Правительства РФ от 2 марта 2019 г. «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации») не устанавливались средства, обеспечивающие реализацию новаций через правовые механизмы, что является существенным недостатком. По меньшей мере требовалась их правовая транслитерация. Получается, для крупных реформ и преобразований не было правовых инструментов их реализации.

Представляется целесообразной разработка именно правовых мер, направленных на обеспечение технологического лидерства и суверенитета России в научных концепциях развития российского законодательства. Пока эта задача решена только частично и применительно к оценке действующего законодательства по критериям создания условий технологического роста.

В Концепциях развития законодательства уже намечаются варианты решения ряда актуальных проблем, затрудняющих достижение Россией технологического лидерства². Вопрос о правовом регулировании ИИ находится в нормативном единстве и неразрывной связи с вопросами правового обеспечения технологического лидерства и суверенитета, хотя и требует самостоятельного решения.

Концепции развития законодательства — уникальный интеллектуальный продукт юридической науки — единственная в своем роде научно-методологическая основа сбалансированного развития российского законодательства, квинтэссенция достижений российских правовых школ и их критическое осмысление. При их подготовке активно использовались не только методы юридического анализа, но и экономико-правовые методы моделирования, позволившие сократить издержки в организации бизнеса и государственного ад-

¹ Wendt J., Wendt D. Das neue Recht der Künstlichen Intelligenz. Baden Baden, 2024. S. 62.

² См.: Научные концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2024.

министрирования экономики, финансовые потери от избыточных административных барьеров, увидеть на макро- и микроуровне экономический эффект от совершенствования законодательства. Это создало условия для формирования экономико-ориентированного законодательства, обеспечивающего устойчивый рост, свободу предпринимательства, позволило разработать современные и прозрачные методы государственного администрирования экономики. Экономический вектор не является преобладающим, его развитие должно быть соотносимо с приоритетами технологического развития. Техничко-ориентированный подход в развитии законодательства имеет особое значение. Важным эффектом соединения экономического и технологического начал правового регулирования видится формирование законодательной базы, обеспечивающей сбалансированное развитие и использование достижений современной техники во благо общественного развития, перехода на качественно новый уровень жизни общества и человека.

Опора законотворческого процесса на программные документы, в числе которых особое место занимают Концепции развития законодательства Российской Федерации, обеспечивает не только стабильность и предсказуемость развития российского законодательства, но и нахождение России в группе наиболее благополучных стран в социально-экономическом отношении, демонстрирующих устойчивый экономический рост в размере 3–3,5% ВВП в среднесрочной перспективе. Концепции развития законодательства Российской Федерации обеспечивают не менее 1% роста ВВП России в среднегодовом исчислении. На этой основе могут быть предложены новые параметры оценки эффективности законодательства, которые призваны способствовать его совершенствованию.

Технологическая и экономическая полезность или эффект от реализации концепций развития законодательства определяется в том числе параметрами, установленными в основных положениях Концепций развития российского законодательства:

- правовое сопровождение программ социально-экономического и технологического развития страны — не менее 2,5% роста ВВП;
- методологическое обеспечение механизма регуляторной гильотины — не менее 0,1% роста ВВП ежегодно;
- методология ОРВ, мониторинга законодательства и правоприменительной практики — не менее 0,1% роста ВВП ежегодно;
- создание преференциальных режимов предпринимательской деятельности и обеспечение конкурентоспособности российской

юрисдикции как условие привлечения и возвратов капиталов в национальную экономику — не менее 0,2% роста ВВП ежегодно;

— открытость законодательства новым экономическим потребностям и высокая динамика модификаций организационно-правовых форм — видов юридических лиц — не менее 0,1% роста ВВП ежегодно;

— создание гарантий свободы предпринимательской инициативы, защиты права собственности, оборота объектов интеллектуального творчества и технологий — не менее 0,2% роста ВВП ежегодно;

— обеспечение здоровой конкуренции и благоприятного инвестиционного климата на рынках — не менее 0,2% роста ВВП ежегодно;

— сохранение высоких темпов экономической интеграции и формирования новых наднациональных рынков на пространстве ЕАЭС, БРИКС, ШОС — не менее 0,1% роста ВВП ежегодно;

— обеспечение новых форм занятости и охраны труда в цифровой экономике — не менее 0,1% роста ВВП ежегодно;

— обеспечение правовыми средствами стрессоустойчивости и раскрытия новых потенциалов российской экономики в условиях кризисов — не менее 0,1% роста ВВП ежегодно;

— снижение административных барьеров и повышение экономической ориентированности и обусловленности российского законодательства — не менее 0,1% роста ВВП ежегодно;

— ориентированность законодательства на решение актуальных проблем развития техники — не менее 0,1% роста ВВП ежегодно.

В Концепциях развития законодательства сформированы прогнозы и сценарии развития законодательства с использованием риск-ориентированного подхода в сфере правового обеспечения единства экономического и правового пространства в цифровой экономике, определены параметры цифрового суверенитета и цифровой юрисдикции для обеспечения принципов верховенства права, законности и правопорядка в виртуальном экономическом пространстве. Таким образом показано, что, во-первых, цифровые коммуникации по своей природе не являются транснациональными и внеюрисдикционными и, во-вторых, пространство сети «Интернет» в приложении к реальности цифрового гражданского оборота не может регулироваться по правилам *Lex Mercatoria*, требуя установления гарантированного доступа к судебной защите, суррогатом которой не является платформенный арбитраж. Это обеспечивается за счет установления правил специальной компетенции российских государственных судов, цифровизации отдельных про-

цессуальных действий, введения норм прямого и непосредственного действия, имеющих безусловный приоритет перед правилами платформ как участников рынка. Результат: обеспечена единая государственная юрисдикция в отношении традиционных экономических споров и споров, возникающих в связи с цифровой коммуникацией с использованием новейших цифровых технологий.

В сфере соотношения правил и принципов правового регулирования традиционных и цифровых имущественных отношений в гражданском обороте (модель специалитета) показано, что эффективное и адекватное регулирование экономических отношений в виртуальном пространстве и цифровой среде должно отличаться от регулирования доцифровых гражданских правоотношений по принципу специалитета, но не альтернативы. При реализации такого подхода соотношение между предпринимательским и гражданским законодательством, ориентированным на доцифровую и цифровую среду, должно строиться по модели общих и специальных норм с сохранением общих гарантий и принципов правового регулирования. Принятие такого подхода законодателем обеспечит интересы и права как участникам новых видов экономической деятельности, например в цифровой торговле, так и потребителям. Результат: показана разноразвитость развития однородной по своей природе правовой среды и перспектива разработки специального федерального закона о цифровом гражданском обороте.

Выявлена потребность определения индивидуального правового режима для цифрового имущества как родового вида имущества, принадлежность и оборот которых возможны только в цифровой среде (сайты, цифровые платформы и их инфраструктуры, доменные имена, аккаунты и т.д.). Результат: сформирован комплексный подход к определению специальных правил о принадлежности и обороте новых объектов цифрового гражданского оборота.

Новеллой правового регулирования рынка интеллектуальной собственности в условиях цифровизации является формирование новых правил правовой охраны результатов интеллектуальной деятельности, которые возникают только в цифровой среде (авторские и патентные права, право на ноу-хау относительно объектов цифровой реальности). Результат: сформулированы новые подходы к компенсационной, а не запретительной конструкции исключительного права и следующих из него притязаний; определены правовые модели применения технологий 3D-печати в соотношении с правами авторов и патентообладателей; предложены новые подходы к определению цифровой формы и использования произведений (сэмплирование, мэшапы, мультимедийность (звук, текстовое

или цветное представление) и др.); определены параметры правовой охраны цифрового кода и необходимости отказа от модели правовой охраны программ для ЭВМ.

Сохраняются и проблемы, требующие решения:

- нормативная идеология части четвертой ГК РФ выражает и закрепляет только частные и узко индивидуальные интересы правообладателя результата интеллектуальной деятельности (далее — РИД) по модели контроля рынка и накопления капитала, отсутствует механизм обеспечения баланса частных и публичных интересов. Этот тип регулирования был свойственен капитализму XIX–XX вв., правосознанием которого сформулирована концепция исключительного права как легальной монополии, несовместимая с задачей технологического лидерства национальной экономики, устойчивого развития России как технологической державы;

- принципы промышленной собственности в российском праве не выражают задачи обеспечения технологического развития страны (патент остается высоколиквидным корпоративным активом, развиты и не пресекаются практики патентного буллинга и троллинга, патентных «зарослей», по определению исключающие технологическое развитие). Патентная охрана предоставляется по ответственности формальным признакам без учета фактора технологической ничтожности патентоохраняемого решения, в результате данные о патентной активности не коррелируют с внедрением и апробированием новейших технологий;

- российское законодательство об интеллектуальной собственности не устанавливает правовых форм коммерциализации и критериев рыночной оценки РИД, относимых к нематериальным активам. Как следствие отсутствуют механизмы кредитования под создание новых РИД с обеспечением правами на уже имеющиеся и получившие правовую охрану. Этот пробел в законодательстве тормозит развитие стартапов и сам рынок интеллектуальной собственности;

- в российском праве не предусмотрено механизмов и форм управления интеллектуальными правами, что делает неэффективным в использовании сложноструктурированный фонд государственной интеллектуальной собственности, который фактически существует вне рынка;

- российское законодательство не рассматривает технологию как самостоятельный объект гражданских прав и базовый элемент рынка интеллектуальной собственности. Как следствие передача и оборот технологий ограничиваются рамками патентного права, ноу-хау, что существенным образом сужает сферу правового признания и охраны технологий;

— нет необходимости в установлении специального режима для объектов интеллектуальной собственности, созданных с использованием современных технологий, как и правовых оснований для выделения в особую категорию правового признания и охраны машинного творчества.

Для обеспечения здоровой конкуренции в цифровой экономике выявлены новые инструменты мониторинга и противодействия цифровой недобросовестной конкуренции и манипуляциям на рынке за счет расширения инструментария контроля сферы цифрового предпринимательства и деловой активности участников рынка. Результат: выявлены и предложены допустимые параметры применения сетевого эффекта как гарантия законности антимонопольного контроля.

Перспективной задачей видится подготовка концепции правового регулирования ИИ, в которой предполагается раскрыть правовые модели будущего правового регулирования, основы которого уже складываются.

§ 2. ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА ОСНОВНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ

Влияние ИИ на основные права и свободы человека представляет собой проблему, в полной мере проявившую себя только в последние годы. Вплоть до текущего десятилетия ИИ мало осознавался людьми в качестве фактора, реально воздействующего практически на все сферы их жизнедеятельности, хотя потенциал его влияния на индивидуальное и коллективное поведение людей постоянно накапливался. И только в условиях, когда зависимость людей от цифровых технологий приобрела практически всеобъемлющий характер, четко обозначилась практическая задача установления пределов влияния ИИ на жизнедеятельность человека для того, чтобы была обеспечена защита интересов личности, общества в целом от рисков игнорирования конституционных ценностей в процессе использования цифровых технологий ИИ. Реальность таких рисков очевидна для ученых-юристов¹. Вопросы влияния ИИ на

¹ Так, В.Д. Зорькин, характеризуя ИИ как «разум, который может полностью игнорировать все, что мы считаем ценностно важным», отмечает основной субстанциональный риск ускоренного внедрения ИИ в социальную практику (Зорькин В.Д. Право и вызовы искусственного интеллекта // Российская газета. 2024. 27 июня).

сферу конституционно-правовых отношений все чаще становятся предметом научных исследований. При этом особое внимание обращается на изменение среды реализации норм конституционного права и связанные с этим новые риски для правового статуса личности, безопасности государства и общества. В то же время следует признать, что пока не сформированы доктринальные подходы для решения указанных проблем.

В документах стратегического планирования Российской Федерации указывается на соответствующие узкие места применения технологий ИИ. В частности, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (далее — Национальная стратегия), отмечается, что отсутствие понимания того, как ИИ достигает результатов, является одной из причин низкого уровня доверия к современным технологиям ИИ и может стать препятствием для их развития. При этом ставится задача, в соответствии с которой уровень доверия граждан к технологиям ИИ в 2030 г. должен вырасти не менее чем до 80% (по сравнению с 55% в 2022 г.).

Необходимо отметить, что среди основных принципов развития и использования технологий ИИ в Национальной стратегии названы защита прав и свобод человека, обеспечение безопасности личности (в том числе в связи с рисками несоблюдения конфиденциальности предоставляемых данных), прозрачность использования технологий ИИ, обеспечение постепенного перехода органов публичной власти к использованию технологий ИИ, что в целом соответствует современным тенденциям правового регулирования применения ИИ¹. В то же время среди вызовов для Российской Федерации в связи с развитием ИИ, отмеченных в Национальной стратегии, специально не выделены риски, связанные с реализацией конституционных прав граждан. Такого рода подход объясним с учетом реальной практики деятельности органов публичной власти: ИИ рассматривается прежде всего в качестве одной из основных движущих сил ускоренного развития экономики и государственного управления. Сдерживание негативных последствий его применения, в том числе в рамках правовой системы, до настоящего време-

¹ В Регламенте (ЕС) 2024/1689 от 13 июня 2024 г. об установлении гармонизированных правил в области ИИ и внесении изменений в Регламенты (ЕС) особо отмечается обусловленность применения ИИ соблюдением основных прав и свобод. Указывается, что в качестве предварительного условия ИИ должен быть технологией, ориентированной на человека, и служить инструментом повышения его благосостояния.

ни в основном рассматривалось как решение сопутствующих задач. Между тем современный уровень социальных проблем, связанных с использованием ИИ, требует рассмотрения комплекса проблем, обусловленных дальнейшим распространением ИИ в качестве отдельного объекта конституционно-правового регулирования. Необходимы специальные исследования модификации условий реализации конституционных прав граждан в современных условиях. В связи с этим представляется важным обратить внимание на ряд конституционно-правовых проблем.

Принятая в 1993 г. Конституция РФ содержит каталог основных прав и свобод человека и их гарантий, отвечающий международным стандартам в сфере защиты прав личности. Гарантией их стабильности является усложненный порядок изменения гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина». С учетом того, что с 1993 г. в эту главу не вносились изменения, в российской Конституции отсутствует специальное регулирование цифровых прав, в том числе касающееся применения ИИ. Таким образом, Конституция, разработанная и принятая, когда не подразумевалось масштабное использование цифровых технологий, в настоящее время «работает» в принципиально новых социальных условиях. Эти условия, в частности, характеризуются следующим:

- практически повсеместным внедрением обязательного посредника в коммуникации между гражданином и органами власти в форме ИИ;
- использованием органами государственной власти одноканального цифрового режима оказания гражданам ряда услуг;
- доминированием подзаконного регулирования (в форме различного рода регламентов, порядков и т.д.) в установлении порядка реализации прав в цифровой среде;
- отсутствием у граждан эффективных возможностей проверить корректность примененных в отношении них алгоритмов и обжаловать допущенные нарушения;
- изменением традиционной среды осуществления конституционных прав, создающим риски для их реализации.

В законодательных актах, призванных развивать содержание конституционных положений, определяющих права и свободы граждан, устанавливаются общие рамки применения цифровых технологий, затрагивающих правовой статус личности. В то же время, как будет показано ниже, их регулятивное значение пока невелико в силу доминирования подзаконного регулирования. Такая ситуация отчасти может быть оправдана с учетом новизны задач внедрения новых цифровых технологий, что нередко требует примене-

ния экспериментальных правовых режимов. Однако в развернувшейся (и не только в России) гонке за наиболее эффективными экономическими и управленческими решениями не должен упускаться из виду такой принципиальный момент, как сохранение уровня конституционных гарантий прав и свобод личности, что составляет фундамент правового государства.

Если идеологически обострить возникающую в связи с этим дилемму в развитии государства и правовой системы, то следует констатировать: эффективное государство, опирающееся на цифровые технологии, в том числе на технологии ИИ, на их развернутое внедрение, не всегда развивается как правовое. И чтобы фактическая модель государства не приходила в противоречие с конституционными принципами его устройства и функционирования, обществу требуется осознание тех глубоких перемен, которые современные информационные технологии оказывают на государство. Следующий шаг в сохранении конституционной сущности государства — выработка законодательной стратегии развития правового государства в условиях ускоренной цифровизации государства и общественной жизни, включающей разработку законодательных актов, переводящих эту стратегию в императивную правовую плоскость. Применительно к различным сферам взаимоотношений гражданина и публичной власти указанные проблемы имеют специфику, связанную в том числе с особенностями отраслевого законодательства, что обуславливает необходимость выработки как универсальных, так и особых подходов к регулированию использования технологий ИИ.

Наиболее общей проблемой для конституционного права является появление особой цифровой субъектности личности. Хотя такой цели не поставлено ни в одном законодательном акте либо документе стратегического планирования, тем не менее объем правовых предписаний, прав и обязательств, касающихся конкретного человека и закрепленных за его аккаунтами в цифровой сети, становится настолько обширным и всеобъемлющим, что это дает основания утверждать, что в настоящее время цифровая субъектность человека является во многих случаях необходимым условием для эффективного осуществления целого ряда прав, предусмотренных законодательством. Это порождает существенные конституционные проблемы, в том числе:

— дискриминация лиц, которые добровольно не обрели цифровой субъектности. И хотя эта дискриминация не носит активного характера, тем не менее указанные лица, как правило, ставятся в худшее положение по сравнению с теми, кто обрел цифровую субъектность;

– сущностные изменения характера реализации конституционных прав, осуществляемых в рамках цифровой среды. Человек при реализации его прав, обязанностей в цифровой сфере взаимодействует не с другими людьми, также наделенными соответствующими правами и обязанностями и действующими в рамках установленных законом процедур, а с обезличенными алгоритмами, которые рассчитаны на принятие типовых решений, а не на учет индивидуальных особенностей личности и конкретной ситуации. Попытка добиться учета особенностей личности, специфики правоотношений, стороной которых является человек, не получивших отражения в алгоритмах информационной системы, будет означать коллизию между гражданином и системой, ее правилами. Решение этой задачи нереально для подавляющего большинства людей;

– возможность при известных злоупотреблениях отделения цифровой субъектности личности от самой личности. На этой объективной реальности построена деятельность мошенников, лишаящих людей денежных средств и имущества путем незаконного использования их аккаунтов в цифровой сети. Массовые преступления в этой сфере послужили основанием для выработки со стороны государства системных законодательных мер борьбы с кибермошенничеством.

Применительно к сфере реализации политической активности граждан, связанной с деятельностью политических партий, общественных объединений, СМИ, проведением выборов, референдумов, публичных массовых мероприятий и иными аспектами функционирования политической системы, ключевое значение для реализации ценностей правового государства имеет установление баланса между задачами обеспечения единства государства, политической системы страны (интересы государства как централизованного целого) и задачами выражения, а также согласования политически значимых интересов отдельных личностей, социальных групп (политические интересы большинства населения и различных меньшинств). Данный баланс в различные исторические периоды имеет различные нормативные выражения и институциональные формы¹. Искусственный интеллект становится значимым фактором функционирования современной политической системы, проявляя себя в различных аспектах политической деятельности.

Выборы органов государственной власти и органов местного самоуправления в силу их конкурентного характера являются одним из наиболее актуальных сегментов применения технологий ИИ.

¹ См.: Хабриева Т.Я. Технологические революции и их проекция в праве // Вопросы истории. 2022. № 2-2. С. 256–270.

Результаты выборов определяются ходом избирательной кампании, участниками которой являются конкретные кандидаты и политические партии, в рамках которой осуществляются определенные организационные действия и проводится предвыборная агитация, направленные на победу этих кандидатов и политических партий. С учетом вовлеченности большинства избирателей в цифровое пространство, в частности в социальные сети, у субъектов избирательных кампаний появляются разнообразные цифровые инструменты воздействия на избирателей, в том числе манипулятивного характера.

Опыт проведения избирательных кампаний за рубежом свидетельствует о существенном расширении практики применения технологий ИИ, что способно повлиять на ход избирательных кампаний и результаты выборов. Так, выборы в США в 2024 г. сопровождались бумом ИИ, который использовался в самых различных проявлениях¹. Это и распространение в Интернете сфабрикованных с помощью ИИ видео с изображениями и голосами известных политических деятелей, дезинформирующее избирателей, и разработка политической рекламы, и продвижение различного рода стратегий проведения избирательных кампаний. Несмотря на признание высокой эффективности такого рода технологий, в то же время их негативная оценка обществом вынуждает компании — крупнейших игроков на рынке цифровых услуг — ограничивать возможности для применения ИИ в целях формирования волеизъявления избирателей.

Отметим, что указанная выше проблема в целом характеризует манипулятивное воздействие на поведение личности, широких социальных групп в условиях современной цифровой среды. Достигнутый обществом уровень коммуникаций позволяет эффективно внедрять и распространять в общественном сознании идеи, способные существенно изменить политическую обстановку в стране. Об этом, помимо прочего свидетельствует опыт политических протестов и различного рода «революций» последних лет², одним из катализаторов которых стало активное использование цифровых коммуникаций.

¹ См.: Улмер А., Тонг А. Deepfaging: выборы в Америке в 2024 году столкнулись с бумом искусственного интеллекта // Рейтер. 2024. URL: <https://www.reuters.com/world/us/deepfaking-it-americas-2024-election-collides-with-ai-boom-2023-05-31/>

² См. подробнее: «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование: монография / Т.Я. Хабриева, В.Е. Чиркин. М.: ИСиСП; Норма; ИНФРА-М, 2018.

Для обеспечения устойчивости конституционных ценностей государству, обществу, IT-компаниям предстоит обеспечить постоянное совершенствование четких и понятных правил, ограничивающих деструктивное использование цифровых технологий и основанных на них социальных сетей. При этом основной критерий ограничений не может быть связан только с реализацией интересов государства, публичной власти. Здесь принципиально соблюдение конституционного баланса интересов государства, гражданского общества и отдельной личности. Полагаем, что основные правила должны быть определены в форме закона.

Рассматривая влияние цифровых технологий и ИИ на демократические процессы, следует отметить, что, с одной стороны, они предоставляют новые возможности для обеспечения участия людей в этих процессах, делая это участие более доступным и легко организуемым, что очевидно при применении таких форм демократии, как сбор подписей в рамках общественных инициатив, проведение дистанционного голосования на выборах, но с другой — эти технологии неизбежно придают результатам применения этих форм демократии виртуальный характер. Люди, поддерживая те или иные инициативы, голосующие за определенных кандидатов через Интернет, в значительно меньшей степени вовлечены в реальные социальные процессы принятия общественно значимых решений, чем те, кто лично посещает избирательные участки, участвует в публичных слушаниях. Это связано со многими факторами, однако ключевой из них — осуществление общественного контроля.

Самым уязвимым моментом при использовании процедур дистанционного голосования на выборах является их недостаточная прозрачность, сложность осуществления контроля за соблюдением правильности применения процедур голосования и подсчета голосов. Как указывал А.И. Лопатин, практика проведения дистанционного голосования обуславливает радикальное обновление института наблюдения — его профессионализацию¹, что, по нашему мнению, не вполне соответствует общественной природе наблюдения на выборах. И хотя в действующем избирательном законодательстве закреплены общие нормативные подходы к дистанционному электронному голосованию, по вопросам статуса наблюдателей при использовании такого голосования сохраняется значительная неопределенность относительно доступности получения ими информации о результатах голосования в объеме, по-

¹ См.: Лопатин А.И. Цифровизация избирательных действий и процедур в России // Журнал российского права. 2022. № 5. С. 52.

звolyающем выявлять нарушения закона¹. Возможно, решение задачи совершенствования общественного наблюдения при проведении дистанционного голосования находится в плоскости разработки и применения специализированных программ наблюдения с использованием ИИ. Вместе с тем правовая значимость этих средств наблюдения зависит от их признания (сертификации) органами государственной власти.

Отмеченная выше сложность защиты интересов граждан, их объединений, сталкивающихся с функционированием сложных государственных информационных систем, является общей проблемой реализации конституционных прав граждан в условиях широкомасштабной цифровизации и внедрения технологий ИИ. В связи с этим необходимо создание дополнительных институциональных механизмов защиты прав граждан в такой специфической сфере, как защита прав граждан, осуществляемых с использованием цифровых технологий. Полагаем, что требуется обсуждение и разработка *федерального закона, устанавливающего основные принципы защиты прав граждан, реализация которых обусловлена использованием цифровых технологий, ИИ*. На его основе в силу п. «б» ч. 1 ст. 72 Конституции РФ целесообразно принятие соответствующих законов в субъектах Российской Федерации, что представляется актуальным в связи с активным развитием государственных информационных систем субъектов Федерации, затрагивающих реализацию прав граждан.

Идеология правового регулирования в указанных законодательных актах должна базироваться на системе правовых механизмов, которые смогут предотвратить негативную тенденцию во внедрении цифровых технологий, ИИ, когда под предлогом оптимизации управленческих решений недостаточно учитывается необходимость предотвращения различного рода ущерба для личности (включая психологический и иного рода нематериальный ущерб). В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда РФ (постановления от 15 января 1998 г. № 2-П, от 20 июля 2012 г. № 20-П, от 16 апреля 2015 г. № 8-П, от 14 мая 2015 г. № 9-П) установление нового порядка реализации прав, преследующее исключительную цель рационализации организации деятельности органов власти, не может служить основанием для его введения.

Позитивная роль разработки этого закона видится и в том, что она привлекла бы внимание общественности к пробелам и недо-

¹ См.: Общественный контроль в конституционном праве: монография. М., 2024. С. 113.

статкам действующего правового регулирования, активизируя поиск приемлемых правовых средств для решения многочисленных и приобретающих все большую актуальность проблем влияния цифровых технологий и ИИ на правовой статус личности. Среди проблем такого порядка следует назвать ускоренное перемещение личности в цифровую сферу оказания услуг, в том числе и государственными органами. Одноканальность оказания услуг со смещением центра тяжести на их цифровую форму стала одной из современных тенденций в развитии государственного управления¹. В то же время не созданы механизмы реализации и защиты интересов граждан, которые по тем или иным причинам не могут самостоятельно воспользоваться возможностями, предоставляемыми в рамках цифровой среды, либо осознанно отказываются это делать. Также указанная одноканальность оказания публичных услуг в цифровой форме способна вызвать существенные сбои в нормальной жизнедеятельности людей в случаях массового отключения электричества, стационарного и мобильного Интернета (даже в условиях современной инфраструктуры).

Несмотря на то что законодательство о защите персональных данных получило достаточное развитие, вопрос об обеспечении гарантий защиты информации, относящейся к частной жизни лица, с учетом существенно расширяющегося объема информации в цифровой форме о гражданине как у органов публичной власти, так и у различного рода организаций требует специального регулирования с тем, чтобы исключить неправомерное использование этой информации в целях, способных нанести ущерб интересам личности, ее физическому и моральному благополучию, допустить дискриминацию людей по тем или иным признакам, выявляемым технологиями ИИ.

Целесообразно рассмотреть вопрос о создании специализированного института по защите прав граждан в цифровой сфере — уполномоченного по правам граждан в цифровой сфере. Такую должность можно предусмотреть как на федеральном уровне, так и уровне субъектов Российской Федерации. Основы правового статуса данных должностных лиц потребуют закрепления соответственно в федеральном законодательстве, законодательстве субъектов Российской Федерации. Помимо специальных механизмов защиты нарушенных прав граждан не менее важным является закрепление на законодательном уровне обязанности организации общест-

¹ См.: Постников А.Е. Конституционное право в контексте правовой культуры // Журнал российского права. 2024. № 8.

венных экспертиз и слушаний относительно значимых проектов внедрения цифровых технологий и ИИ в деятельность органов публичной власти.

§ 3. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ И ПОИСК ОБЪЕКТА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Анализ российских и зарубежных научных исследований, предметом которых выступала проблематика правового регулирования технологий ИИ, показал чрезвычайную активность научных изысканий в данной области. За последнее десятилетие опубликовано несколько десятков тысяч научных статей, сотни монографических исследований и аналитических докладов¹. Вопросы конвергенции права и технологий ИИ стали предметом ряда специальных диссертационных исследований². Существенный вклад в формирование доктринальных основ правового регулирования технологий ИИ внесен учеными Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации³. При

¹ См., например: Dasharathraj Shetty K., Vijaya Arjunan R., Cenitta D. et al. Analyzing AI regulation through literature and current trends // Journal of Open Innovation: Technology, Market and Complexity. Vol. 11. Is. 1. March 2025.

² См.: Атабеков А.Р. Концептуальные подходы и практика правового регулирования искусственного интеллекта в публичной сфере: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2024; Морхат П.М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности: гражданско-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018; Марченко А.Ю. Правовой анализ новейшего законодательства ЕС о применении технологий искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022; Щитова А.А. Правовое регулирование информационных отношений по использованию систем искусственного интеллекта: автореф. дис. ... канд. юрид. наук; Никитенко С.В. Международно-правовое регулирование использования искусственного интеллекта в области медицины: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2024; Крылов И.В. Трудоправовые аспекты использования искусственного интеллекта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024; Луконина Ю.А. Цифровая цивилистическая процессуальная форма: теоретико-прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2023; Бегишев И.Р. Уголовно-правовая охрана общественных отношений, связанных с робототехникой: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2022.

³ См: Хабриева Т.Я. Правовые проблемы идентификации искусственного интеллекта // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94. № 7. С. 609–622; Её же. Право, искусственный интеллект, цифровизация // Человек и системы искусственного интеллекта / под ред. В.А. Лекторского. СПб., 2022; Сеницын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровиза-

этом интенсивность научного поиска в рассматриваемой сфере продолжает экспоненциально возрастать (рисунок 1).

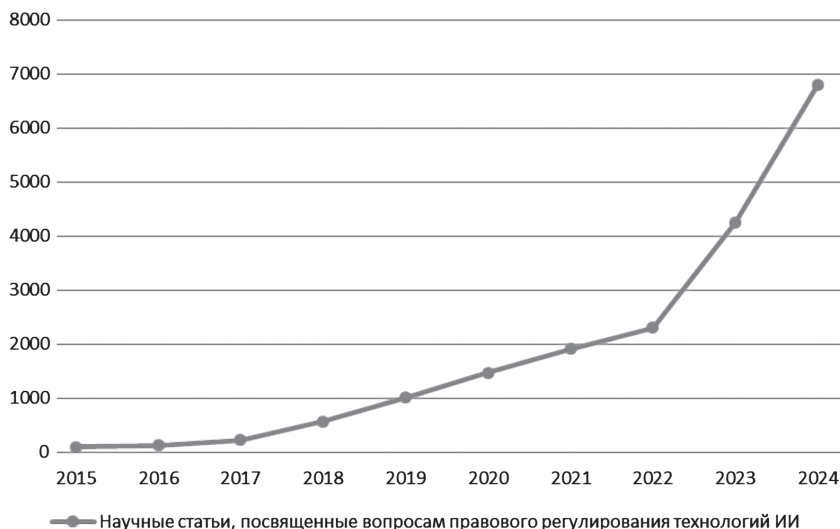

Рис. 1. Динамика публикационной активности в отечественной периодике¹

Предмет исследований в области правового регулирования технологий ИИ обладает сложной структурой, включая в себя проблемы межотраслевого и междисциплинарного характера, вопросы права общетеоретического, отраслевого и прикладного уровней.

Одними из первых в науке права начали прорабатываться вопросы о правовой природе технологий ИИ, их правовой сущности и содержании как объекта регулирования, а также о месте общественных отношений, возникающих по поводу создания, развития, применения и использования технологий ИИ в предметах правового регулирования отраслей права. С учетом объема проведенных исследований и накопленного научного знания на первый взгляд данные проблемные вопросы кажутся решенными, а следовательно, не требующими особого внимания или уточнения. Однако такое впечатление ошибочно. Нельзя игнорировать, во-первых, чрез-

ции. Опыт междисциплинарного и отраслевого исследования: научно-практическое пособие / С.А. Сеницын; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2020.

¹ URL: <https://elibrary.ru/>

вычайно высокую динамику развития самих технологий ИИ и соответствующую их развитию трансформацию общественных практик, связанных с их применением и использованием; во-вторых, перманентное и быстрое развитие наднационального и национального регулирования технологий ИИ; в-третьих, многочисленные противоречия, имеющиеся в формируемых нормах позитивного права, призванных урегулировать технологии ИИ, а также в большей части подходов, концепций, доктринальных воззрений на технологии ИИ, выработанных наукой права.

Наиболее проработанными и устоявшимися в доктрине права и уже получившими обоснованное подтверждение в решениях большинства наднациональных и национальных регуляторов являются воззрения на правовую природу технологий ИИ как сложного инструмента, «объекта субъективных прав»¹. Возникшее на заре правового осмысления технологий ИИ и активно развивавшееся направление научной мысли, связанное с наделением технологий ИИ правосубъектностью (электронное лицо, «квазисубъект»), обоснованно не получило какого-либо реального развития в позитивном праве, критически оценено ведущими представителями отечественной правовой науки². Собственно современный уровень развития технологий ИИ с технической точки зрения и не предполагает «субъектности» систем ИИ, выражающейся в свободе принятия решений, полноценной «автономности воли». Между тем нельзя исключать вероятность в будущем фундаментального изменения общественных отношений, места и роли технологий ИИ в жизни общества под воздействием нового этапа технологической трансформации (AGI³, ASI⁴), а следовательно, и потребности на новом этапе развития общества и техники в очередной дискуссии о трансформации права и его базовых догматов, в том числе о составе субъектов права.

Еще одним аспектом проблематики опосредования в праве технологий ИИ, получившим достаточно полное и непротиворечивое представление в научных и аналитических исследованиях, является идентификация рисков и угроз, порождаемых технологиями ИИ

¹ Хабриева Т.Я. Правовые очерки технологической революции / Т.Я. Хабриева. М., 2025. С. 104.

² См.: Хабриева Т.Я. Указ. соч. С. 91–92; Зорькин В.Д. Указ. соч.

³ Artificial general intelligence, also artificial intelligence human-level intelligence (гипотетический уровень развития ИИ: искусственный общий интеллект, ИИ на уровне человека).

⁴ Artificial Superintelligence (гипотетический уровень развития ИИ: ИИ, который во всех аспектах превосходит человеческий разум).

при их использовании в различных сферах жизнедеятельности общества¹. Система таких рисков и угроз достаточно полно описана. Международные объединения, организации, государства уже приступили к формированию механизмов и мер их минимизации на уровне документов стратегического планирования, национальных и наднациональных актов². К типичным угрозам, порождаемым применением технологий ИИ, относят:

- риски для экономики и занятости, вызванные ожидаемым замещением человеческого труда, принципиальным изменением экономической ситуации;

- риски для правовой определенности и верховенства права, прав и свобод человека, обусловленные потенциальной автоматизацией правоприменения, дискриминационностью и предвзятостью технологий ИИ, необъяснимостью принимаемых решений, эрозией приватности и потенциальной массовой слежкой;

- риски для общественной безопасности, связанные с появлением новых видов и форм противоправной деятельности (дипфейки, киберпреступления нового поколения);

- риски для экологии в связи с постоянной потребностью во все большем количестве энергоресурсов для функционирования технологий ИИ и др.

Общественными и аналитическими организациями, экспертами и учеными продолжают дальнейшие изыскания в области изучения рисков и угроз, порождаемых технологиями ИИ при их использовании в различных сферах жизнедеятельности общества³, что оправданно, поскольку управление рисками как целенаправленная деятельность представляет собой итерационный процесс⁴, предусматривающий постоянную работу по выявлению и идентификации возникающих рисков. Закономерно осуществляется и

¹ См.: Matinheikki J. et al. (2021) Artificial intelligence, systemic risks and sustainability; Williams L. (2025) Generative AI's Other Environmental Problem; Pagallo U. et al. (2022) The environmental challenges of AI in EU law: lessons learned from the Artificial Intelligence Act (AIA) with its drawbacks; Zhuk A. (2023) Artificial Intelligence Impact on the Environment: Hidden Ecological Costs and Ethical-Legal Issues.

² См., например: Hiroshima Process International Guiding Principles for Organizations Developing Advanced AI System. URL: <https://ai.gov.ru/>; G20 Ministerial Statement on Trade and Digital Economy. URL: <https://oecd.ai/en/wonk/documents/g20-ai-principles>

³ См.: International AI Safety Report. URL: <https://internationalaisafetyreport.org>

⁴ См., например, ГОСТ Р ИСО 31000-2019. Национальный стандарт Российской Федерации. Менеджмент риска. Принципы и руководство (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 10 декабря 2019 г. № 1379-ст).

перманентная модернизация моделей и структур управления безопасностью ИИ как на национальном, так и на наднациональном уровнях¹.

Относительная определенность правовой природы технологий ИИ, порождаемых ими рисков и угроз сосуществует с достаточно высокой неопределенностью содержания данной категории в первую очередь в правовой доктрине и позитивном праве. Это объясняется отсутствием в технических науках однозначного понимания содержания терминов «технологии искусственного интеллекта», «искусственный интеллект», «робот», «умный робот», «робототехника», «интеллектуальный агент».

В этом контексте в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р, справедливо предлагалось избегать внедрения в законодательство Российской Федерации единого для всех отраслей нормативного определения технологий ИИ. В качестве прикладного решения данной концепцией было предложено при необходимости использовать дефиниции технологий ИИ, содержащиеся в документах по стандартизации, или формировать дефиниции для конкретной сферы регулирования исходя из потребностей законодателя и целей регулирования.

Отечественная практика пошла именно по такому пути. Анализ нормативных правовых актов, которыми урегулированы общественные отношения, возникающие по поводу создания, развития и использования технологий ИИ, показывает, что в них либо не осуществляется дефинирование понятий, либо получают закрепление сходные, но не тождественные дефиниции ИИ². Различия между ними формальны и незначительны, все они производны от определения ИИ, закрепленного в национальном документе по стандар-

¹ См., например: AI Safety Governance Framework 2.0 (September 9, 2024), AI Safety Governance Framework 2.0 (September 16, 2025). URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202509/1343585.shtml>

² См.: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701; Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

тизации систем ИИ и их классификации¹. Анализ определений ИИ в указанных нормативных актах и документах показывает, что все они в целом построены на единой методологической основе, включающей идентификацию содержательной и сущностной составляющих таких технологий.

С содержательной точки зрения технологии ИИ определяются как программное обеспечение либо программное обеспечение в совокупности с информационно-коммуникационной инфраструктурой, процессами и сервисами по обработке данных и поиску решений, с сущностной — как функциональная характеристика такого программного обеспечения, позволяющего имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящие их.

Если вышеописанный подход к определению в законодательстве содержательной составляющей ИИ характеризуется в научной литературе преимущественно как надлежащим образом отражающий содержательную сторону рассматриваемого феномена, то подход к определению их функциональной характеристики вызывает критику. Более того, нет консенсуса относительно допустимости и полезности такого описания сущностной характеристики технологий ИИ в позитивном праве. Исследователи справедливо указывают на нарушение логики при построении соответствующей дефиниции, неопределенность и противоречивость, в первую очередь задаваемую попыткой определения ИИ через его сходство с человеком, а именно способность «имитировать когнитивные функции человека» и «получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые по меньшей мере с результатами интеллектуальной деятельности человека»².

Попытки применения сформированного в науке права инструментария толкования норм права (буквальное, систематическое,

¹ См. ГОСТ Р 59277-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта (утвержден и введен в действие приказом Росстандарта от 23 декабря 2020 г. № 1372-ст).

² Definition of artificial intelligence in the context of the Russian legal system: a critical approach / V.V. Arkhipov, A.V. Gracheva, V.B. Naumov et al. // State and Law. 2022. No 1. P. 168–178. DOI: 10.31857/S102694520018288-7; Минбалеев А.В. Понятие «искусственный интеллект» в праве / А.В. Минбалеев // Вестник Удмуртского университета. 2022. № 32. Вып. 6. С. 1094–1099.

телеологическое, ограничительное и др.) не позволяют конкретизировать имеющиеся в отечественном законодательстве определения ИИ. В силу использования вышеприведенных оценочных категорий «результаты, сопоставимые по меньшей мере с результатами интеллектуальной деятельности человека», «когнитивные функции человека» категория ИИ в значении, придаваемом ей нормами действующего законодательства, охватывает не только технологии ИИ, но и традиционные, давно используемые инструменты автоматизации деятельности человека — программное обеспечение, процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений, в основе которых стандартные алгоритмы.

Обращение к технической литературе еще более усложняет определение непротиворечивого содержания категории ИИ. Анализируя определение ИИ, содержащееся в национальном документе по стандартизации систем ИИ и их классификации¹ и впоследствии включенное в законодательство, представители технических наук констатируют, что это определение соответствует трактовке сильного ИИ². Но такие технологии ИИ еще только рассматриваются как технологии, которые могут быть созданы в будущем с определенной вероятностью.

В результате содержание понятия ИИ в позитивном праве остается неопределенным, носит обобщающий характер и не позволяет надлежащим образом выявить совокупность технологий, которые в силу определенного набора свойств относятся к числу технологий ИИ. Имеется в виду совокупность технологий, на которые в действительности планировалось распространить регуляторное воздействие нормативных правовых актов, разработанных для упорядочивания отношений, которые возникают по поводу создания, развития и применения технологий ИИ.

В действующем регулировании уточнение границ регуляторного воздействия норм, формирующих преференциально-экспериментальный правовой режим для развития технологий ИИ, осуществляется в рамках правоприменения через наделение органов публичной власти дискреционными полномочиями по отнесению тех или иных технологий к технологиям ИИ (например, в рамках экспери-

¹ См. ГОСТ Р 59277-2020. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта.

² См.: Ватыан А.С., Гусарова Н.Ф., Добренко Н.В. Системы искусственного интеллекта. СПб., 2022. С. 52.

мента по установлению специального регулирования в целях создания условий для разработки и внедрения технологий ИИ в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве посредством рассмотрения заявки лица и включения сведений о нем в реестр участников эксперимента).

При переходе от сугубо преференциально-экспериментального специального регулирования технологий ИИ к формированию регулирования технологий ИИ, включающего правовые механизмы обеспечения безопасности и прозрачности ИИ, а также широкий набор запретов, ограничений и разрешений как правовых средств упорядочивания общественных отношений, перед законодателем неизбежно встанет задача уточнения содержания категории ИИ в позитивном праве. Без такого уточнения содержание рассматриваемой категории в позитивном праве останется неопределенным, а следовательно, не будет решена ключевая задача, которая стоит перед законодателем при формировании легальных дефиниций: обеспечение формальной определенности правового регулирования, определение сферы действия норм и границ их регуляторного воздействия, применимости или неприменимости к конкретным субъектам права сформированного правового режима. Отсутствие формальной определенности — один из ключевых факторов, порождающих юридические конфликты¹, в то время как задача законодателя заключается в обеспечении их предотвращения и минимизации риска наступления.

Для предстоящего уточнения содержания категории ИИ в позитивном праве с методологической точки зрения безусловно полезен зарубежный опыт. Во-первых, анализ законодательства зарубежных государств показывает, что далеко не все правовые порядки идут по пути легального дефинирования общего понятия ИИ. В одних странах категория ИИ либо в целом не используется в позитивном праве, либо используется, но нормативно не определяется ее содержание, при этом правовое регулирование соответствующих отношений осуществляется в рамках отраслевого регулирования. К числу таких стран могут быть отнесены, например, Великобритания, Швейцария, Австралия, Израиль, Канада. В других странах в позитивном праве урегулированы и идентифицированы только отдельные виды ИИ, технологий ИИ или основанных на них технических

¹ См.: Юридический конфликт: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М.: ИНФРА-М; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017.

устройств, программ (например, генеративный ИИ¹ в Китайской Народной Республике, дипфейки в ряде правовых порядков²).

Во-вторых, в тех странах, где получили закрепление легальные определения общего понятия ИИ, они так же, как в отечественном позитивном праве, сформулированы в качестве достаточно объемных с содержательной точки зрения понятий, которые предполагают охват как существующих, так и будущих разработок в области ИИ.

Как концептуальная основа для построения легального определения ИИ в большинстве зарубежных правовых порядков (США³, ЕС⁴, Япония⁵, Кыргызстан⁶ и др.) использовано определение систем ИИ, сформулированное в международном стандарте ИСО/МЭК 22989:2022 «Информационные технологии. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта»⁷. Правовые акты по-разному подошли к модернизации определения ИИ, содержащегося в указанном международном стандарте. Например, в Цифровом кодексе Республики Кыргызстан системы ИИ определяются как цифровая технологическая система, которая на

¹ См.: Временные меры по управлению услугами генеративного искусственного интеллекта (рассмотрены и одобрены на 12-м заседании Государственного управления интернет-информации 23 мая 2023 г. и согласованы Национальной комиссией по развитию и реформам, Министерством образования, Министерством науки и технологий, Министерством промышленности и информационных технологий, Министерством общественной безопасности и Государственным управлением радио и телевидения). URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm

² См. подробнее: Терешенко Л.К. Фейки и треш-стримы как угроза информационной безопасности // Журнал российского права. 2023. Т. 27. № 11. С. 103–114.

³ См.: National Artificial Intelligence Initiative Act of 2020 (P.L. 116–283). The “Chips and Science Act” of 2022 (P.L. 117–167) (8/9/2022). URL: <https://www.congress.gov/>

⁴ См.: Regulation (EU) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act). URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj/eng>

⁵ См.: 人工知能関連技術の研究開発及び活用の推進に関する法律 (Закон о содействии исследованиям, разработкам и использованию технологий, связанных с искусственным интеллектом). URL: https://www.shugiin.go.jp/internet/itdb_gian.nsf/html/gian/honbun/houan/g21709029.htm

⁶ См.: Цифровой кодекс Кыргызской Республики от 31 июля 2025 г. № 178. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/3-48/edition/35412/ru>

⁷ Модифицированным по отношению к указанному международному стандарту является ГОСТ Р 71476-2024 (ИСО/МЭК 22989:2022). Национальный стандарт Российской Федерации. Искусственный интеллект. Концепции и терминология искусственного интеллекта (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 28 октября 2024 г. № 1550-ст).

основе цифровых данных и заданного человеком набора целей способна с определенной степенью автономности формировать прогнозы, рекомендации или принимать решения, влияющие на состояние субъектов или объектов внешней среды. Сходное определение ИИ содержится и в Регламенте Европейского союза об ИИ, при этом оно обладает существенной отличительной чертой, которая состоит в том, что в нем содержится отсылка к специальному приложению к регламенту, в котором перечислены конкретные методы и технологии, применяемые в программном обеспечении, однозначно позволяющие охарактеризовать его в качестве ИИ: а) подходы на основе машинного обучения, включая глубокое обучение; б) подходы на основе логики и знаний, включая представление знаний, индуктивные (логические) программы, базы знаний, логический вывод и выведение, экспертные системы, символичные рассуждения; в) статистические подходы, байесовские оценки, методы поиска и оптимизации. Такой прием может быть использован и отечественным законодателем, поскольку позволяет дополнительно конкретизировать содержание вводимого понятия, обеспечить его большую правовую определенность.

Различия в подходах к определению состава вводимого в области ИИ понятийного аппарата, к формированию нормативной дефиниции ИИ отражают различия как в политико-правовых целях законодателей разных государств, так и в целях законодательных актов, в которых находят отражение соответствующие определения (стимулирование развития технологий ИИ, экспериментальные режимы их апробации, установление ограничений и запретов).

Стратегическими установками государств в области формирования регуляторной политики определяется также место общественных отношений, возникающих по поводу создания, развития, применения и использования технологий ИИ в предметах правового регулирования отраслей права.

Обращаясь к анализу сложившегося в законодательствах различных государств правового регулирования ИИ, необходимо подчеркнуть, что материальное выражение технологии ИИ получают в виде различных интеллектуальных систем:

- обеспечивающих поддержку принятия решений, совместное принятие решений, выработку решений, принятие решений в автоматическом режиме;
- генерирующих контент;
- встроенных в различные технические устройства, обеспечивающих их функционирование в автоматическом режиме (беспилот-

ные транспортные средства (автомобили, суда, самолеты, поезда), промышленные роботы и др.).

Систематизируя многообразие нормативных моделей опосредования технологий ИИ в позитивном праве, на наш взгляд, допустимо выделить следующие регуляторные инструменты, которые в том числе в различном сочетании используются в зарубежных правопорядках:

- специальный нормативный правовой акт, комплексно регулирующий общественные отношения в области ИИ;
- специальный нормативный правовой акт, формирующий экспериментальный правовой режим использования и применения технологий ИИ;
- специальный нормативный правовой акт, формирующий стимулирующий правовой режим для создания и развития технологий ИИ, а также определяющий систему государственного управления в данной сфере;
- нормативный правовой акт, регламентирующий различные технические устройства и информационные системы, в которых используются технологии ИИ, а равно отдельные технологии ИИ (автономные транспортные средства, автоматизированные системы принятия решений, генеративный ИИ);
- регламентация технологий ИИ в рамках отраслевых законодательных актов;
- техническое регулирование.

Наиболее известным примером формирования специального законодательного акта, комплексно регулирующего общественные отношения в области ИИ, является Регламент ЕС. В отношении Регламента Европейского союза об ИИ высказаны достаточно полярные оценки: от характеристики в качестве акта, препятствующего инновациям, делающего регуляторную среду в ЕС токсичной для разработчиков ИИ, до комплиментарных, описывающих его как акт, который обеспечивает сбалансированное регулирование ИИ с учетом необходимости развития данных технологий и одновременной защиты прав и законных интересов граждан¹. Важно подчеркнуть, что достаточно часто в юридической литературе можно встретить прогнозы о «брюссельском эффекте» сформированного регулирования, влияние которого пока остается ограниченным во многом по причине отсутствия у разработчиков потребности в сборе данных пользователей для развития моделей ИИ, а следова-

¹ См.: Dasharathraj K. Shetty, Vijaya Arjunan R., Cenitta D. et al. Op. cit.

тельно, возможности выстраивать свои стратегии без учета позиций национальных регуляторов.

Большинство правовых порядков, в том числе российский, идут по пути формирования в законодательстве экспериментальных, стимулирующих, экспериментально-стимулирующих режимов посредством принятия специальных нормативных правовых актов (США, Япония и др.). При этом регулирование технологий ИИ в части создания правовых механизмов обеспечения безопасности и прозрачности ИИ, защиты прав граждан, а также формирования правовых режимов для технических устройств и информационных систем, использующих технологии ИИ, одновременно осуществляется в отраслевых нормативных правовых актах.

Примеров тому множество. Это и регулирование генеративного ИИ в Китайской Народной Республике (сфера его действия ограничена только сервисами на основе генеративного ИИ, предназначенными для «широкой общественности», и не включает проекты в области науки, техники и образования с ограниченным доступом¹), и регуляторика автоматизированных систем принятия решений в Австралии и Канаде, область действия которой ограничена сферой публичного управления². В результате система регулирования ИИ в этих странах включает наряду со специальными нормативными правовыми актами, в которых поименованным объектом правового регулирования выступает именно ИИ, значительный объем нормативных правовых актов, где категория ИИ хотя прямо и не используется, однако технологии ИИ в действительности формируют правовой режим данных технологий при их применении в рамках устройств и информационных систем в различных сферах жизнедеятельности общества.

В данном русле развивается и отечественная правовая система. Так, наряду с нормативными правовыми актами, закрепившими экспериментальный и стимулирующий правовые режимы для технологий ИИ³, в законодательстве определен порядок эксплуатации

¹ См.: Ли Яо. Особенности нормативно-правового регулирования генеративного искусственного интеллекта в Великобритании, США, Евросоюзе и Китае // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 16. № 3. С. 245–267. DOI: 10.17323/2072-8166.2023.3.245.267

² См.: Кабытов П.П., Назаров Н.А. Обеспечение объяснимости и прозрачности автоматизированного принятия решений в государственном управлении // Информационное общество. 2024. № 6. С. 44–53.

³ См.: Федеральный закон от 24 апреля 2020 г. № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необхо-

автономных судов, которые функционируют с использованием ИИ¹, разрабатывается проект законодательного акта о высокоавтоматизированных транспортных средствах², формируются предложения о правовом регулировании автономного железнодорожного транспорта³, маркировки ИИ-контента⁴. Эти и другие инициативы призваны урегулировать технические устройства и информационные системы, использующие ИИ. В юридической литературе также обоснованно указывается на острую потребность в упорядочивании общественных отношений, возникающих при использовании ИИ и алгоритмов в автоматизированных системах принятия решений в государственном управлении⁵.

Таким образом, в отечественной правовой системе продолжается накопление массива норм, прямо или опосредованно (через регулирование технических устройств и информационных систем) регулирующих общественные отношения, возникающие по поводу создания, развития, применения и использования технологий ИИ. Можно прогнозировать, что дальнейшее развитие правового регу-

димых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных», Указ Президента РФ «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года).

- ¹ См.: Федеральный закон от 10 июля 2023 г. № 294-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 29. Ст. 5312.
- ² URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8080846>
- ³ См.: Синицын С.А., Кабытов П.П. О регулятивной среде в сфере автономного железнодорожного транспорта // Железнодорожный транспорт. 2024. № 6. С. 36–38.
- ⁴ См.: Проект федерального закона № 1069302-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (в части обязательной маркировки видеоматериалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069302-8>
- ⁵ См.: Талапина Э.В. Дискриминационный потенциал алгоритмов // Административное право и процесс. 2025. № 2. С. 55–58; Талапина Э.В., Черешнева И.А. Правовые проблемы ответственности за государственные управленческие решения с использованием искусственного интеллекта // Информационное общество. 2024. № 6. С. 98–106; Талапина Э.В. Права человека в цифровом государственном управлении // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 9. С. 137–149; Кабытов П.П., Назаров Н.А. Прозрачность государственного управления в условиях автоматизированного принятия решений // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. № 3. С. 28–55.

лирования ИИ будет происходить по одному из двух сценариев. Первый в большей мере соответствует проинновационной и «гибкой» регуляторной политике в отношении ИИ и предусматривает либо дальнейшее точечное регулирование отдельных технических устройств и информационных систем, которые функционируют с использованием ИИ, либо их использование в отдельных наиболее чувствительных сферах (государственное управление, военная сфера, медицина, трудовые отношения и т.д.); второй — «жесткой» регуляторной политике в отношении ИИ, предполагая принятие специального законодательного акта, формирующего комплексный правовой режим технологий ИИ, который включает запреты, ограничения и разрешения по аналогии с правом ЕС.

Каждый из этих сценариев имеет негативные и позитивные черты. В частности, при точечном регулировании (по мере накопления нормативного материала снижается системность регулирования) возрастают риски возникновения противоречий и пробелов. При одномоментном формировании комплексных нормативных правовых актов, призванных урегулировать значительный массив новых общественных отношений, возможно противоречие между формируемым регулированием и сложившимися общественными практиками, технической и социальной действительностью. В связи с этим, на наш взгляд, наиболее продуктивным подходом к формированию регуляторики в области ИИ представляется использование метода индукции, а не дедукции, то есть последовательного накопления массива специального отраслевого регулирования технических устройств и информационных систем, которые функционируют с использованием ИИ (частное), и только затем формирования на основе его систематизации общего регулирования технологий ИИ (общее).